

Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв

Анна Андреевна Кирзюк ^[1]

✉ kirzук@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Кирзюк, А. А. (2024). Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв. *Фольклор и антропология города*, VI(1–2), 14–38. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-14-38.

Статья посвящена конфликтам памяти вокруг Змиёвской балки в Ростове-на-Дону, который во время оккупации стал местом самого массового уничтожения евреев на территории РСФСР. Администрация города сопротивляется попыткам обозначить Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте. Причины этого сопротивления лежат в советской политике памяти и современной исторической политике. Советский нарратив о войне, где евреи не выделялись в отдельную категорию жертв или представлялись жертвой менее значительной, чем славяне, до сих пор влияет на исторические представления граждан. Многие не знают, что у нацистов была особая политика по отношению к евреям, и убеждены, что оккупанты уничтожали всех советских граждан на равных основаниях. Влияние советского нарратива поддерживается современной политикой памяти. Хотя Россия, в отличие от СССР, не отрицает и не замалчивает Холокост, идея исключительности советской, русской или славянской жертвы важна для нее так же, как она была важна для СССР. Статус народа, который понес самые большие жертвы во Второй мировой войне — это тот символический капитал, который многие россияне привыкли считать своим. Поэтому классическая концепция Холокоста — как события, уникального не только для истории Второй мировой войны, но и для мировой истории — с трудом вписывается в современный российский нарратив о войне. Попытки обозначить мемориал на Змиёвской балке как место памяти о Холокосте воспринимаются многими чиновниками и рядовыми гражданами как посягательство на статус главной жертвы войны.

Ключевые слова: Змиёвская балка, Ростов-на-Дону, память о Холокосте, политика памяти, нарратив о Второй мировой войне, конкуренция жертв

Исследование было проведено в рамках грантовой программы Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина

Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and competition of victims

Anna A. Kirzyuk ^[1]

✉ kirzyuk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8853-0003

^[1] Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

To cite this article:

Kirziuk, A. (2024). Zmiyovskaya balka (Rostov-on-Don): Memory of the Holocaust and competition of victims. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1-2), 14-38. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-14-38.

The paper focuses on the memory conflicts surrounding Zmiyovskaya balka in Rostov-on-Don, which became the site of the most mass extermination of Jews on the territory of the RSFSR during the Nazi occupation. The local authorities resist attempts to designate Zmiyovskaya balka as a Holocaust memorial site. The reasons for this resistance lie in Soviet memory politics and contemporary historical policy. The Soviet narrative of the war, where Jews were not singled out as a separate category of victims or were portrayed as victims of lesser significance than Slavs, still influences the historical perceptions of citizens. Many are still unaware that the Nazis had a special policy towards Jews and are convinced that the invaders were exterminating all Soviet citizens on equal grounds. This influence of the Soviet narrative is fueled by modern memory politics. Although Russia, unlike the USSR, has long recognized the Holocaust, the idea of the exclusivity of the Soviet, Russian, or Slavic sacrifice in the WWII is as important to modern Russia as it was to the USSR. The status of the people that suffered the greatest losses in WWII is the symbolic capital that many Russians are used to consider their own. Therefore, the classical concept of the Holocaust, as an event unique not only in the history of WWII, but also in world history, hardly fits into the modern Russian narrative of the war. Attempts to designate the memorial on Zmiyovskaya balka as a Holocaust memorial are perceived by many officials and ordinary citizens as an attack on the status of the main victim of the war.

Keywords: Zmiyovskaya balka, Rostov-on-Don, Holocaust memory, memory politics, narrative about the WWII, competition of victims

The research was conducted with the support of the grant program of the Research Center of the Private Cultural Institution "Jewish Museum and Tolerance Center" (Moscow) with the financial support of A. I. Klyachin

ВВЕДЕНИЕ

Во время нацистской оккупации Ростов-на-Дону стал местом самого массового уничтожения евреев на территории РСФСР. 11–12 августа 1942 года в Змиёвской балке под Ростовом (сейчас место находится в черте города) было расстреляно, по разным оценкам, от 27 до 30 тысяч человек.

Историки сходятся во мнении, что точное число погибших на Змиёвской балке сейчас установить невозможно, однако оценки соотношения еврейских и нееврейских жертв довольно сильно разнятся, хотя и опираются, как замечает Ирина Реброва, на одни и те же документы, главным образом, на протоколы ЧГК¹ [Rebrova 2020: 134]. Цифры зависят от позиции говорящего в конфликте, о котором пойдет речь в этой статье, а именно от того, считает ли он Змиёвскую балку местом памяти о Холокосте или местом гибели «мирных советских граждан». Среди специалистов по истории Холокоста утвердилась точка зрения, согласно которой помимо евреев там расстреливали людей других национальностей, но евреи составляли подавляющее большинство [Мовшович 2011]. Некоторые представители ростовской еврейской общины считают, что на Змиёвской балке покоятся только евреи, а пленные красноармейцы были убиты в другом месте или перезахоронены после освобождения города. Ростовские чиновники и историки, далекие от темы Холокоста, считают, что помимо евреев там покоятся тысячи других жертв².

Советская политика памяти исключала практически любые публичные упоминания того факта, что нацисты целенаправленно уничтожали еврейское население на оккупированных территориях. На мемориалах, которые возводились на местах массовых расстрелов в 1960–1970-е годы, национальность жертв, как правило, не упоминалась: памятники посвящались анонимным «жертвам фашизма» или «мирным советским гражданам» [Zeltser 2019]. Так произошло и в Ростове-на-Дону. В 1975 году на Змиёвской балке открылся большой мемориальный комплекс «Жертвам фашизма», включающий в себя скульптурную группу, вечный огонь, смотровую площадку и траурный зал (сегодня в его помещении располагается музей).

В 1990-е годы политика замалчивания Холокоста, а также негласный запрет на публичное поминовение его жертв, казалось, ушли в прошлое. В 2004 году на Змиёвской балке была установлена доска с надписью: «Здесь 11–12 августа 1942 года нацистами были унич-

¹ «Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Комиссия работала на бывших оккупированных территориях сразу после их освобождения.

² А. А. – м., ок. 1957 г. р., сотрудник музея на Змиёвской балке (разговор без записи); В. А. – м., 1951 г. р., историк. Такой же разброс в мнениях по поводу соотношения численности еврейских и нееврейских жертв Змиёвской балки фиксировался в 2011 году среди рядовых горожан [Винклер 2012: 139–140].

тожены более 27 тысяч евреев. Это самый крупный в России мемориал Холокоста». Перед реконструкцией мемориального комплекса ее сняли, а в 2011 году, после завершения реконструкции, появилась новая доска, где говорилось уже об уничтожении «мирных советских граждан» без упоминания их национальности. Это вызвало возмущение активистов памяти о Холокосте и представителей еврейской общины, один из которых подал на ростовское управление культуры в суд. Прошло несколько публичных судебных заседаний и круглых столов, которые освещались в СМИ. В конфликт включились общероссийские еврейские организации, но также и несколько ростовских национальных объединений. В частности, общественная организация «Русский образ» обвинила ростовскую еврейскую общину и Российский еврейский конгресс в разжигании межнациональной розни и написала заявление в прокуратуру [Чевеля 2013: 279–280]. Между тем историко-культурная экспертиза, заказанная в рамках суда, определила, что Змиёвская балка является местом Холокоста, потому что в оккупированном Ростове «немецким командованием была создана и работала четко организованная структура, направленная на тотальное уничтожение еврейского населения» [Там же: 276]. В результате на мемориале была установлена доска с компромиссной надписью, которая сообщала, что среди убитых в августе 1942 были представители «многих национальностей», но при этом Змиёвская балка является «крупнейшим на территории России местом массового уничтожения фашистскими захватчиками евреев».

Таким образом, конфликт 2011–2012 годов развернулся вокруг вопроса, является ли Змиёвская балка местом Холокоста или местом убийства «мирных советских граждан» [Rebrova 2020: 128–137]. Хотя историко-культурная экспертиза на суде определила, что Холокост в Ростове-на-Дону был, ростовские чиновники — равно как многие общественные организации и рядовые жители города — не готовы к тому, чтобы Змиёвская балка была обозначена как место Холокоста. Обе версии нашли отражение в финальном тексте мемориальной доски. Однако компромисс, достигнутый по поводу надписи на доске, не означает, что конфликт на тему «о каких именно жертвах должен напоминать мемориал» завершен. Он, как мы увидим дальше, продолжается, только в других, менее заметных для широкой публики формах.

Ростовский конфликт вокруг Змиёвской балки вписан в сложную историю памяти о Холокосте в СССР и в постсоветской России. Чтобы разобраться в его причинах, мы должны проследить, какими значениями наделялась Змиёвская балка в советский период, а также выяснить, какое место она занимает в коллективной памяти современных ростовчан. Об этом пойдет речь в первой части статьи. Во второй части мы рассмотрим, как официальное «нежелание помнить» о Холокосте в СССР было связано с советским нарративом о Второй мировой войне, и почему публичная память о Холокосте с трудом вписывается в современный российский нарратив.

Исследование основано на интервью с жителями Ростова-на-Дону — активистами памяти о войне и Холокосте, представителями еврейской общины, музейными работниками, историками, чиновниками и рядовыми горожанами. Интервью записывались во время двух экспедиций в Ростов-на-Дону (в декабре 2020 и мае 2021 года) мною и моими коллегами по проекту «Еврейские коммеморативные практики и современный культ Победы»³; глубинные интервью были записаны с 65 информантами⁴, и у 73 жителей были взяты экспресс-интервью.

«Войны памяти» вокруг Змиёвской балки: ПРОДОЛЖЕНИЕ

Через несколько лет после разбирательства вокруг мемориальной доски начался новый, продолжающийся по сей день конфликт, связанный все с тем же вопросом: о каких именно жертвах должен напоминать мемориал на Змиёвской балке? В 2017 году местные активисты памяти о Холокосте при помощи исследователей из Яд Вашем⁵ установили 4264 имени евреев, расстрелянных на Змиёвской балке⁶, и предложили установить плиты с этими именами на мемориале. Однако чиновники из ростовского управления культуры отклонили это предложение, мотивируя отказ тем, что имена нуждаются в дополнительной проверке. Хотя мнение о необходимости перепроверки имен поддерживается несколькими ростовскими историками, настоящая причина отказа заключается, очевидно, в том, что размещение плит на мемориальном комплексе маркирует Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте. Имен нееврейских жертв нет: никто никогда не занимался их поиском. Поэтому в случае установки плит с еврейскими именами сторонники идеи «здесь лежат представители разных национальностей» не смогут предъявить никакого «контрзнака» в доказательство своей правоты. Показательно, что, отказываясь установить плиты на мемориале, чиновники предлагали активистам разместить еврейские имена в нескольких менее публичных местах — в частности, в здании небольшого и довольно бедного музея при мемориале, который часто закрыт и посещается гораздо меньшим количеством людей, чем сам мемориал. Также чиновники предлагали представителям еврейской общины «помянуть [жертв-евреев] у себя в синагоге»⁷. Иными

³ Коллектив проекта: А. Архипова*, С. Белянин, М. Гаврилова, Е. Закревская, И. Козлова, Б. Пейгин. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

⁴ Самый молодой из них был 1988 г. р., самый старший — 1935 г. р.

⁵ Мемориальный комплекс истории Холокоста в Иерусалиме. Важная часть исследовательской работы Яд Вашем — пополнение базы имен жертв Катастрофы.

⁶ Список имен доступен здесь [<https://www.holocaust.su/list-of-victims>] (дата обращения 12.08.2021).

⁷ ВР — м., 1946 г. р.

словами, чиновники не были против установки «непроверенных» имен там, где эти имена не маркировали бы Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте.

Борьба за обозначение Змиёвской балки как места Холокоста или гибели «советских граждан» также находит выражение в организации публичных коммеморативных акций. В 2012 и 2017 годах (на 70-ю и 75-ю годовщину массовых расстрелов) в Ростове-на-Дону прошли Марши живых. Первый Марш состоялся в самый разгар скандала вокруг мемориальной доски и, возможно, был им спровоцирован.

Марш живых — акция, посвященная памяти жертв Холокоста и проходящая в разных странах примерно по одному сценарию: потопки выживших надевают повязки с желтой звездой и коллективно приходят к местам массового уничтожения евреев (первый Марш состоялся в 1988 году на территории бывшего лагеря Аушвиц). Ростовская еврейская общины организовала такое шествие к Змиёвской балке, чтобы почтить память жертв Холокоста. Однако ростовские власти приняли деятельное участие в организации марша и попытались переформатировать его под стандартное мероприятие «про войну». Для участия в Марше живых были направлены юнармейцы, члены местного отделения «Единой России» с флажками и логотипами партии на одежде, группы «бюджетников», казаки и православный священник. Акция была организована таким образом, что выступление израильских музыкантов, представителей еврейских организаций и поминальная молитва раввина следовали после речей местных чиновников и православного священника⁸.

По словам наших собеседников, в своих выступлениях ростовские чиновники избегали произносить слова «евреи» и «Холокост»⁹. Одна участница заметила, что хотя чиновники находятся на маршах «всегда на переднем плане», они «даже камушек не могут положить»¹⁰. Произнеся официальные речи и возложив венки, чиновники с административной массовой уехали и не стали слушать вторую, еврейскую часть траурного митинга. При этом администрация старалась показать свою руководящую роль в организации шествия. В частности, сотрудники администрации громко отдавали распоряжения по поводу того, как именно собравшимся следует строиться и идти к мемориалу.

Выступая с позиции власти, чиновники и административная массовка, однако, не пытались присоединиться к еврейскому поминовению и помянуть *вместе* с евреями — класть к Вечному огню не только венки, но и камни, слушать еврейскую часть траурного митинга, надевать повязки с желтыми звездами. Евреи, в свою очередь, вос-

⁸ Мы не имели возможности наблюдать ростовские Марши живых лично и об их устройстве можем судить со слов наших информантов-евреев и по фото- и видеоматериалам, выложенным в Сети. Подробных рассказов о Марше от участников-неевреев записать не удалось.

⁹ ЮД — м., 1949 г. р.; МК — м., 1974 г. р.

¹⁰ ВС — ж., 1951 г. р. Еврейская традиция предписывает класть на могилу камни, а не цветы.

принимали присутствие этой группы как неуместное, недоумевали и возмущались:

Было какое-то протокольное мероприятие, которое казалось жутко неуместным¹¹.

Они организовали какой-то здесь шабаш со священником, с Единой Россией, в майках, в футболках своих¹².

Был поп, представители казаков выступали, детей нагнали каких-то в парадной пионерской форме... Все это было так нелепо. Только после того, как они все отпели, оттанцевали, отговорили и ушли, началось еврейское мероприятие¹³.

Для еврейской общины действия администрации на Маршах живых содержит два меседжа. Такие жесты, как уход с еврейской части митинга, избегание слова «Холокост» в речах и неучастие в еврейских поминальных практиках, говорят: «Мы пришли сюда помянуть своих жертв, а ваши нас не очень интересуют». Руководство шествием и порядок выступлений на митинге считаются как жест символического присвоения мемориала: «здесь лежат и наши жертвы, и они — важнее ваших». И он вызывает наибольшее возмущение:

В начале, значит, музыка русская звучала, и священник что-то говорил, и все... А потом они ушли, и тогда евреи только подошли [к Вечному огню]. Я была возмущена. Конечно, там люди лежат, может быть, и русские, которые копали, красноармейцы. Но их пускай даже 100 человек, а евреев 27 тысяч! Хотели уменьшить, сказать, что там расстреливали [не только евреев]. Нет, неевреев расстреливали где-то в центре города, недалеко от тюрьмы, там их и похоронили. А тут лежат в основном все евреи <...> Почему они [первые подходят], когда должны мы? Это же наши тут лежат¹⁴.

Включаясь подобным образом в коммеморативную акцию, которая маркирует Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте, администрация города пыталась «перехватить сигнал» и обозначить мемориал как место памяти о «мирных советских гражданах». Как точно заметила одна участница Маршей: «Не хотят они, чтобы это было место захоронения евреев»¹⁵.

Итак, вопрос «о каких жертвах напоминает Змиёвская балка» лежит в основе всех перечисленных сюжетов. Все описанные выше действия ростовской администрации — и попытки избавиться от слова «Холокост» на мемориале, и отказ устанавливать там плиты с еврейскими именами, и попытки играть ведущую роль на Маршах живых — имеют один смысл: не допустить переозначивания Змиёвской балки как места памяти о Холокосте. Ростовский конфликт

¹¹ ГГ — м., 1997 г. р.

¹² ЛС — м., 1963 г. р.

¹³ БВ — м., 1952 г. р.

¹⁴ ВС — ж., 1934 г. р.

¹⁵ ВС — ж., 1951 г. р.

лежит в области символической политики, под которой исследователи понимают «деятельность, связанную с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование в публичном пространстве» [Малинова 2013: 115].

Позицию властей в конфликтах вокруг Змиёвской балки многие ростовские евреи объясняют антисемитизмом. На наш взгляд, в основании этих конфликтов лежит не антисемитизм (хотя нельзя исключать, что отдельные фигуранты имеют антисемитские взгляды), а явление другого порядка. Ростовские власти раздражаются при попытках обозначить Змиёвскую балку как место Холокоста не потому, что не любят евреев, а потому что не хотят делить с ними тот символический капитал, который привыкли считать своим. Чиновники, историки и общественные деятели, вовлеченные в эти конфликты на стороне ростовского управления культуры, могут считать себя потомками «мирных советских граждан», но не потомками жертв Холокоста. Попытки еврейской общины маркировать Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте часто воспринимаются не евреями — как чиновниками, так и рядовыми гражданами — как претензии другой группы на статус главной жертвы войны.

ЗМИЁВСКАЯ БАЛКА КАК МЕСТО ПАМЯТИ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ И СЕГОДНЯ

В послевоенные годы еврейская община пыталась поминать жертв на месте расстрела, но это было пресечено властями. Запрет на публичную коммеморацию стандартно объяснялся тем, что на Змиёвской балке похоронены люди разных национальностей [Чарный 2013]. После неоднократных запретов и угроз со стороны властей поминовение жертв ростовского Холокоста носило исключительно индивидуальный и семейный характер и, судя по воспоминаниям сегодняшних ростовчан, практиковалось немногими¹⁶.

В позднесоветские годы мемориал «Жертвам фашизма» был местом официальных и неофициальных практик, связанных с брежневским «культом Победы»: там проходил почетный прием в пионеры, туда с целью военно-патриотического воспитания возили школьников (разумеется, ничего не рассказывая про уничтожение евреев), а к Вечному огню приезжали возлагать цветы молодожены.

Наши собеседники-евреи в большинстве своем начали ездить на Змиёвскую балку в 1990-е годы, когда появившиеся еврейские организации создали инфраструктуру для коллективной коммеморации жертв Холокоста. Многие благодаря коллективным поездкам, организованным синагогой или еврейским семейным центром, побывали на мемориале в первый раз. Поскольку в

¹⁶ Следует иметь в виду, что прямых потомков тех, кто был убит на Змиёвской балке, сегодня в Ростове осталось немного; многие в 1990-е иммигрировали в Израиль.

официальном нарративе тема отсутствовала, узнать о ростовском Холокосте можно было только в семье, но во многих еврейских семьях на подобные темы в присутствии детей не говорили. Поэтому до 1990-х годов многие представители «поколения внуков» вообще не знали, что во время войны на Змиёвской балке уничтожались евреи. Одна наша собеседница рассказала, что, когда она выходила замуж в начале 1980-х годов, они с мужем, как и многие другие пары, поехали к Вечному огню на Змиёвской балке. Тогда она воспринимала мемориал как один из памятников «про войну», и только много лет спустя узнала, что Змиёвская балка — место ростовского Холокоста и что там был расстрелян ее прадед¹⁷.

После распада СССР исчез запрет на публичную коммеморацию жертв Холокоста. Сегодня ростовский «Хэсэд Шолом Бер» и семейный центр «Ацмаут» организуют регулярные поездки на Змиёвскую балку на годовщину расстрела и на Международный день памяти жертв Холокоста 27 января.

Вместе с тем сегодня — как и в советское время — мемориал «Жертвам фашизма» является местом проведения многочисленных ритуалов, связанных с памятью о войне, но не связанных с памятью о Холокосте. Официальные траурные митинги с возложением цветов проходят там в День неизвестного солдата (3 декабря), в День освобождения Ростова (14 февраля), на 23 февраля, 22 июня и на 9 Мая. Ритуалы общегражданского поминовения и коммеморация жертв Холокоста проводятся не только в разные даты, но и различаются по составу участников. В первых обычно участвуют военные, чиновники, представители военно-патриотических организаций (казаки, поисковые отряды, юнармейцы), а также группы, привлекаемые при помощи «административного ресурса» (студенты и школьники). Во вторых участвуют члены еврейской общины и активисты памяти о Холокосте нееврейского происхождения.

Сегодняшняя коммеморативная активность на Змиёвской балке показывает, что за этим местом в коллективной памяти ростовчан «закреплены» два значения: Холокост и война в целом. Анализ разных текстов — высказываний чиновников, дискуссий в соцсетях и СМИ, интервью с рядовыми горожанами и активистами памяти — показывает чуть более сложную картину.

Разбираясь в конфликте на тему «какие именно мирные граждане были убиты на Змиёвской балке», надо понимать, что некоторые ростовчане довольно смутно представляют себе, что происходило на этом месте в 1942 году, и даже связь мемориала с уничтожением именно гражданского населения (какой бы национальности оно ни было) не является всеобщим знанием.

Ростовские исследователи считают, что мемориал в Змиёвской балке «стал символом скорби по погибшим, а не величия и славы одержанной Победы, концепция которой стала доминировать в со-

¹⁷ РР — ж., 1964 г. р.

ветской мемориальной политике» [Кринко, Хлынина 2020]. Действительно, мемориал задумывался и строился как напоминание о гражданских жертвах. Один из создателей скульптурной группы говорит: «Мы, конечно, знали, что <...> там было загублено много и женщин, и детей. Так вот, центральная фигура женщины, она как бы защищает своего ребенка»¹⁸. В то же время в фильме, который демонстрируется посетителям музея при мемориале, говорится, что мужская фигура со связанными руками в скульптурной группе изображает пленного солдата, так как это мужчина молодой и «все еще опасный», ведь ему «неспроста связали руки». Военно-героическую трактовку мемориала предлагают несколько туристических сайтов, рассказывающих о достопримечательностях Ростова-на-Дону. Один из них после рассказа о ростовском Холокосте неожиданно сообщает, что женская фигура в скульптурной группе воплощает образ Родины-матери, «воодушевляющей советских людей в смертной схватке с гитлеровцами»¹⁹. Эту трактовку подкрепляет памятный знак, установленный на территории захоронения в октябре 2021 года и не связанный с убийствами гражданского населения — валун с табличкой «Аллея Славы и Воинской доблести ветеранов Великой Отечественной войны — символ героизма, величия духа, патриотизма и нестигаемой стойкости прокуроров Донского края»²⁰.

Подобные тексты свидетельствуют, что некоторые ростовчане воспринимают мемориал на Змиёвской балке как типичный военный мемориал, где женская фигура символизирует Родину-мать, а мужская — советского солдата. Об этом же говорят некоторые практики — например, поездки свадебных кортежей. Один интернет-ресурс включает Змиёвскую балку в список «10 свадебных мест Ростова-на-Дону».

С вопросом о том, посвящен ли мемориал «Жертвам фашизма» героической борьбе или массовому уничтожению безоружных людей, связано еще одно расхождение в трактовке Змиёвской балки. Победу в борьбе можно праздновать, но по убитым «мирным гражданам» можно только скорбеть. Поэтому в первом случае место пригодно для разнообразных профанных практик, а во втором — наделено особой сакральностью, и там уместна только скорбь.

Некоторые горожане определенно воспринимают мемориал «Жертвам фашизма» как место, отличное по своему статусу от типового военного мемориала. В 2013 году группа молодых людей исполнила танец Harlem Shake возле стелы «Освободителям Ростова»²¹ на Театральной площади, что вызвало возмущение общественности. Организатор танца заявил, что не будет приносить извинений, по-

¹⁸ <https://www.holocaust.su/history>

¹⁹ <https://tourism.rostov-gorod.ru/attractions/382/9409/>

²⁰ <https://novayagazeta.ru/articles/2022/01/25/doroga-k-ovragu>

²¹ Семидесятидвухметровая стела, увенчанная скульптурой богини Ники; установлена к сорокалетию освобождения Ростова на центральной площади города.

сколько он не танцевал на фоне мемориала на Змиёвской балке [Кринко, Хлынина 2020]. Когда в 2019 году ростовчане бурно обсуждали поступок девушки, которая устроила на мемориале легкомысленную фотосессию, один пользователь соцсетей предложил особо возмущенным подумать над тем, куда они водят детей на 9 Мая, «на парад победобесия или на Змиёвскую балку?». За обеими репликами просматривается одна и та же идея: Змиёвская балка — это пространство, наделенное особым статусом, предназначенное для высокой скорби.

Дискуссии по поводу допустимости профанных действий возле мемориалов происходят и в других городах. Противники нередко сравнивают городской мемориал с кладбищем, а досуговую активность возле него уподобляют играм на могилах [Радченко 2021: 244]. Кажется, что представление о наличии под тем или иным памятником останков в целом значительно влияет на позицию в этом споре. Периодически в ростовских сообществах в соцсетях и в местной прессе обсуждается, что зимой горожане катаются на Змиёвской балке на санках, а летом устраивают там пикники с шашлыками. Некоторые ростовчане не находят в этих практиках ничего предосудительного, в то время как других они глубоко возмущают или печалят. Наши собеседники-евреи, точно знающие, что мемориал «Жертвам фашизма» — не просто памятник «про войну», демонстрировали широкий спектр негативных эмоциональных реакций, когда речь в интервью заходила о катании по Змиёвской балке на санках — от резкого осуждения такой практики как «свинства» до сдавленного плача.

Мы уже знаем, что чиновники из ростовского управления культуры и местная еврейская община имеют разные мнения по вопросу о том, кого убивали на Змиёвской балке. Но что думают по этому поводу люди, не вовлеченные напрямую в конфликт?

Хотя суд по поводу мемориальной доски и переживался еврейской общиной довольно болезненно, он сыграл положительную роль в просвещении ростовчан по поводу расстрелов на Змиёвской балке. Историк Ирина Реброва в 2015–2016 годы проводила опросы в трех городах, где во время оккупации происходили массовые расстрелы еврейского населения — в Ростове-на-Дону, Краснодаре и Ставрополе. В результате выяснилось, что ростовчане гораздо чаще связывают Змиёвскую балку с Холокостом (73% респондентов), чем жители Краснодара и Ставрополя — те места массового уничтожения евреев, которые существуют в их городах, где громких конфликтов, подобных ростовскому, не было [Rebrova 2020: 142–143]. Однако несмотря на это, советский нарратив о «мирных гражданах» все еще в значительной мере определяет представления ростовчан о событиях времен оккупации, и это касается как отдельных чиновников, так и рядовых граждан.

Пример влияния советского нарратива представляет собой пост, появившийся 19 апреля 2021 года на странице ростовского отделения патриотического движения «Дороги славы — наша история»:

25 Апреля в Ростове-на-Дону состоится памятное возложение, посвящённое массовой казни жителей Ростова-на-Дону во время Второй мировой войны. Мероприятие состоится в 14.00 по Московскому времени на территории Мемориального Комплекса ЖЕРТВАМ ФАШИЗМА «ЗМИЕВСКАЯ БАЛКА» <...> Змиевская балка - место, где земля пропитана кровью. Здесь нашли своё упокоение тысячи военнопленных, партийно-комсомольский состав Ростова, ополченцы, армяне, курды, ассирийцы, цыгане, евреи, которых фашисты считали неполноценными людьми^{22*}.

По словам нашей ростовской собеседницы, евреи изначально в этом посте вообще не упоминались и появились после возмущенных обращений со стороны представителей еврейской общины²³. Обратим внимание на порядок, в котором здесь перечисляются жертвы: сначала идут военнопленные, затем — коммунисты, а затем — различные группы гражданского населения, среди которых евреи упоминаются в последнюю очередь. Этот порядок отражает советскую «иерархию жертв»: большинство возводимых в советское время памятников было посвящено активным комбатантам (красноармейцам, партизанам и коммунистам-подпольщикам), а при перечислении гражданских жертв в официальных текстах евреи если вообще упоминались, то всегда стояли на последнем месте [Мицель 2007: 14–18].

Мы не знаем, был ли пост патриотического объединения «Дороги славы» намеренным и политически мотивированным замалчиванием Холокоста. Надо иметь в виду, что его текст отражает исторические представления некоторых рядовых горожан, никак не связанных с институтами политики памяти. 9 мая 2021 года наша группа интервьюировала людей, приходивших к мемориалу на Змиёвской балке возложить цветы к Вечному огню или иным образом почтить память погибших (всего 28 коротких интервью). У каждого респондента мы пытались выяснить, кто, по его мнению, был убит в этом месте, и о ком (или о чем) лично ему напоминает мемориал. Примерно половина опрошенных сказала, что большинство убитых на Змиёвской балке составляли евреи. Другие говорили о «мирных гражданах», причем один респондент для ответа на наш вопрос использовал узнаваемую советскую формулировку, словно взятую с типичного памятника брежневской эпохи: «здесь немецко-фашистские захватчики расстреляли мирных граждан, солдат и мирное население»²⁴. Несколько человек довольно резко высказались против определения Змиёвской балки как места уничтожения евреев:

Какая разница [какой национальности были жертвы], все люди, все во-
евали, все страдали, что за национализм вообще!²⁵

²² https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=468596844558889&id=100042257334106* (Здесь и далее звездочкой* отмечено упоминание социальных сетей, принадлежащих компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией).

²³ РР — ж., 1964 г. р.

²⁴ Ж., около 55 лет.

²⁵ Ж., 35 лет.

А [евреи] что, это не мирные жители, что ли? Для меня нет нации — еврей — не еврей, для меня это люди живые. И дети, и женщины. Какая разница, какая нация была убита?²⁶

Отдельные посетители мемориала говорили о событиях 1942 года в духе концепции «геноцида русского народа» (подробнее мы поговорим о ней чуть ниже):

Инф. 1: Девочки, но здесь же действительно и русские, и армяне, все, кого ловили, сюда везли.

Соб.: А зачем, с какой целью ловили?

Инф. 1: Истребить русский народ.

Инф. 2: Истребить евреев, армян. Армяне и евреи далеко не ушли на вид, но и русских могли.

Соб.: То есть они хотели все население истребить?

Инф. 1: Конечно, конечно. Поэтому, я думаю, они там особо не заглядывали в паспорта или в документы, что кто это, евреи или не евреи²⁷.

Итак, в восприятии мемориала на Змиёвской балке жителями города можно выделить несколько пар значений: одним она напоминает о советских солдатах и вооруженной борьбе, другим — об уничтожении безоружного гражданского населения; для кого-то это — типовой военный мемориал, где можно совершать разные профанные действия, для других — место скорби, огромная могила, где такие действия кощунственны; для одних это место памяти о жертвах Холокоста, для других — место памяти о «мирных советских гражданах».

Интересующий нас конфликт внутри последней пары значений разворачивается между двумя нарративами. Согласно первому (назовем его «советским»), на Змиёвской балке убивали гражданское население разных национальностей и активных борцов с нацистами, нацистская политика в отношении евреев не отличалась принципиально от политики в отношении других групп населения, и все жители оккупированных территорий в равной мере являются жертвами. Согласно второму (назовем его «нарративом о Холокосте»), на Змиёвской балке покоятся преимущественно евреи или только евреи, а политика в отношении евреев была особой: они были обречены на тотальное уничтожение, и потому стали главными жертвами оккупации.

²⁶ Ж., около 30 лет.

²⁷ Такие высказывания — относительно новое явление. Когда в 2011 году Кристина Винклер опрашивала ростовчан-неевреев по поводу событий на Змиёвской балке, некоторые респонденты, не отрицая массового уничтожения ростовских евреев, говорили, что нельзя забывать о страданиях русского населения [Винклер 2012: 140]. Однако никто из опрошенных не утверждал, что нацисты тащили на расстрел всех подряд, не заглядывая в паспорт.

ХОЛОКОСТ В СОВЕТСКОМ И СОВРЕМЕННОМ НАРРАТИВЕ О ВОЙНЕ

Источник советского нарратива о событиях на Змиёвской балке лежит в советской политике памяти, которая сформировала особый канон (не)говоря о Холокосте. Этот канон повлиял на исторические представления многих граждан современной России.

В советских учебниках истории о Катастрофе европейского еврейства не писали [Столов 1998]. Евреи или вообще не упоминались в качестве жертв нацизма, или при перечислении разных групп жертв упоминались *после* славян, например: «В газовых камерах и печах крематориев уничтожались миллионы людей. С особой жестокостью фашистские изверги истребляли славян и евреев» [цит. по: Столов 1998]. В рассказах о массовых расстрелах на советских оккупированных территориях был принят такой же порядок жертв, причем он соблюдался даже в текстах, не предназначенных для широкой публики, например, в секретных справках и докладных записках для высшего партийного руководства [Мицель 2007: 14–18]. Также советские авторы периодически писали об особой ненависти нацистов к славянам. В «Истории Великой Отечественной войны», выходявшей в 1950–1956 годы, читаем: «Проповедуя расовую ненависть к другим народам, особенно славянским, фашисты призывали к физическому уничтожению значительной их части» [цит. по: Арад 1990: 151].

Несмотря на включение в 2000-е годы темы Холокоста в разные образовательные стандарты в постсоветских учебниках доминирует советская традиция изображения событий Второй мировой войны, а учебники, в которых школьникам рассказывают об антисемитской идеологии гитлеровской Германии и о целенаправленной политике по уничтожению евреев, появляются крайне редко [Епифанова 2017; Крехалева 2017].

Отсутствие темы Холокоста в учебниках — равно как и в других текстах, формирующих представления людей об истории — может объяснить уверенность некоторых ростовчан в том, что во время оккупации нацисты гнали на расстрел всех подряд, «не заглядывая в паспорт». Точно так же принятый в советских текстах порядок упоминания жертв может объяснить, почему, перечисляя погибших на Змиёвской балке, PR-служба патриотической организации упоминает евреев в самом конце длинного списка. Однако остается вопрос: почему сформированные советским нарративом представления вступают в конфликт с мемориализацией и публичной коммеморацией жертв Холокоста? Как замечает Николай Копосов, современный нарратив о войне включает в себя широкий спектр «правд о войне», табуированных в советские годы — бессмысленные человеческие потери, некомпетентные решения руководства, заградотряды, репрессии против бывших пленных и т. д. [Копосов 2011: 164–165]. Правда о Холокосте тоже признана, причем на самом высоком уровне.

В Международный день памяти жертв Холокоста (27 января) проходят официальные коммеморативные мероприятия. Президент нередко лично принимает в них участие и говорит о недопустимости отрицания Холокоста^{28, 29}. В чем же тогда состоит проблема обозначения Змиёвской балки как места памяти о Холокосте? Почему ростовские чиновники тратят значительные усилия, чтобы этого не допустить?

Инерция советского нарратива о войне играет, как мы убедились, важную роль в ростовском конфликте вокруг Змиёвской балки. Поэтому чтобы ответить на этот вопрос, необходимо понять, в чем состояла причина непризнания Холокоста в советское время.

Причины замалчивания Холокоста советскими властями неоднократно обсуждались в исследовательской литературе. Можно выделить два наиболее распространенных объяснения этого явления. Первое связывает замалчивание Холокоста с государственным и низовым антисемитизмом [Арад 1990; Khiterer 2017]. Второе состоит в том, что власть боялась признать Холокост, поскольку это способствовало бы росту национального самосознания советских евреев [Альтшулер 2009; Локшин 2014]. С этими объяснениями нельзя не согласиться, но они представляются недостаточными. Говоря о советском непризнании Холокоста, важно помнить о той роли, которую нарратив о войне играл в позднесоветской идеологии. Цви Гительман предполагает, что к 1960-м годам война стала главным легитимирующим мифом режима потому, что военный опыт (в отличие от революционного) был частью личной или семейной истории большинства граждан, а выделение особой роли евреев могло вызвать возмущение других национальностей и тем самым ослабить легитимирующую силу нарратива о войне [Gitelman 1997: 28]. Нам кажется важным дополнить это объяснение. Признание Холокоста угрожало не только легитимности военного мифа для разных групп внутри СССР, но и тому высокому символическому статусу, который давала стране роль главного героя и главной жертвы Второй мировой войны в мировом сообществе.

С окончания Второй мировой войны Советский Союз утверждал себя в роли главного победителя, страны, спасшей мир от фашизма [Канторович 2009]. После смерти Сталина советские идеологи начали писать и говорить не только о беспримерном героизме советского народа, но и об огромных жертвах, принесенных на алтарь победы. К концу периода застоя «жертвенная» составляющая в официаль-

²⁸ <https://rg.ru/2018/01/29/putin-prizval-presekat-popytki-otricaniia-holokosta.html>

²⁹ Антон Вайс-Вендт показывает, что российские официальные лица регулярно делают подобные заявления, начиная с 2005 года; по его мнению, цель таких высказываний – укрепить позиции России в ее «войнах памяти» с прибалтийскими государствами и Украиной, жители которых обвиняются в массовом коллаборационизме [Weiss-Wendt 2021]. Илья Альтман отмечает, что российские официальные лица при этом ничего не говорят о коллаборационизме на территориях РСФСР и Белоруссии, зато активно подчеркивают роль Красной армии в спасении евреев [Альтман 2021].

ном нарративе о войне заметно увеличилась по отношению к «победной» [Gill 2011: 199]. На защиту статуса главного героя и главной жертвы войны советская пропаганда тратила немало сил. К памятным датам в центральных газетах неизменно печатались статьи, авторы которых давали отпор западным «фальсификаторам истории», умаляющим роль СССР во Второй мировой войне. В качестве примеров фальсификаций приводились утверждения о том, что большую роль в победе сыграли поставки союзников по ленд-лизу; что на других фронтах Второй мировой войны тоже происходили важные сражения; что СССР победил не только благодаря массовому героизму советских людей и преимуществам социалистического строя, но и разным случайностям типа сильных морозов³⁰. Западные «фальсификаторы истории» упоминаются даже в специальном постановлении ЦК КПСС «О 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», авторы которого повторяют: «Наша страна стала главной силой, преградившей путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме гитлеровской Германии, а затем и милитаристской Японии» [Егоров, Боголюбов 1990: 503–504].

Настойчивая полемика с «фальсификаторами» показывает, что статус главного победителя и главной жертвы нацизма был для советского нарратива чрезвычайно значим. Это делало советскую пропаганду крайне чувствительной к любым высказываниям об особой роли (героической или жертвенной) других стран и народов во Второй мировой войне. Поэтому на высказывания об «окончательном решении еврейского вопроса» — особенно если эти высказывания имели международный резонанс — она реагировала в оборонительном режиме.

Ярким эпизодом такой оборонительной реакции стало освещение советскими СМИ процесса над Адольфом Эйхманом в 1961 году. Как показывает Нати Канторович, все усилия советской пропаганды в этот момент были направлены на то, чтобы не дать Израилю «лишить СССР статуса нации, которая заслонила мир от нацизма и больше всех от нацизма пострадала» [Канторович 2009: 228]. Сначала советские пропагандисты прибегали к различным уловкам, пытаясь изобразить Эйхмана не организатором «окончательного решения еврейского вопроса», а «универсальным» нацистским преступником — например, приписывая ему миллионы нееврейских жертв или заменяя в его высказываниях слово «евреи» на слово «люди». Затем советские авторы стали прямо обвинять Израиль в том, что, рассказывая о преступлениях нацистов против евреев, он оскорбляет память советских жертв. И наконец была предпринята первая попытка провести аналогию между уничтожением евреев и уничтожением славян. Та-

³⁰ См., например, Махалов, В. (1974, 9 мая). Истина торжествует наперекор фальсификациям. *Известия*.

кая агрессивно-оборонительная позиция была связана с осознанием того, что «еврейская составляющая процесса конкурирует с официальной советской концепцией истории» [Там же: 228].

Борьба за статус главной жертвы войны занимает важное место и в современной российской политике памяти. В 2019 году в России был запущен проект «Без срока давности», который ставит своей целью доказать факт геноцида советского народа во время нацистской оккупации. В рамках проекта была создана петиция, которая призывает «всех участников мирового сообщества <...> признать преступления нацистов против советских граждан геноцидом Советского народа»³¹.

Проект «Без срока давности» позиционирует себя как исследовательский и просветительский, однако по результатам поисковой и архивной работы Следственный комитет РФ заводит уголовные дела по статье 357 УК РФ «Геноцид»³². Эта практика вызывает недоумение как у историков, так и у юристов. Историки отмечают, что многие случаи массовых убийств гражданского населения, которые идеологи «Без срока давности» преподносят как открытия проекта, известны давно, а некоторые расследовались еще в 1943–1944 годы ЧГК и рассматривались на Нюрнбергском процессе³³. Эксперты по международному праву говорят, что для квалификации военных преступлений как геноцида необходимо доказать так называемое «геноцидальное намерение», что сделать довольно непросто³⁴. К тому же предполагаемые ответчики по возбуждаемым делам уже мертвы, и по российскому праву такие дела подлежат прекращению в связи со смертью обвиняемого³⁵. Очевидно, что возбуждение уголовных дел в данном случае имеет цель сугубо символическую — доказать, что Россия может претендовать на статус жертвы геноцида.

Существует распространенное мнение, что современная российская память о войне чрезвычайно «героецентрична», и что в ней нет места гражданским жертвам [см., например, Полян 2016: 192]. Однако это не так. Анализируя мероприятия и проекты, приуроченные к 75-летию Победы, Василиса Бешкинская и Алексей Миллер показывают, что сегодня Россия мобилизует разные ресурсы, чтобы подчеркнуть свой статус жертвы нацизма: это и проект «Без срока давности», и появление раздела о нацистских преступлениях на оккупированных советских территориях в экспозиции Музея Победы на Поклонной горе, и финансирование фильмов «Страсти по Зое» и «Нюрнберг» [Бешкинская, Миллер 2020]. Добавим к этому вы-

³¹ <https://tinyurl.com/39s7cppw>

³² Одно из них было возбуждено как раз в Ростовской области по результатам раскопок г. Миллерово [<https://rg.ru/2020/11/09/reg-ufo/ustanovlena-prichastnost-gruppy-gfp-721-k-genocidu-v-1942-godu-na-donu.html>].

³³ См. реплики историка Олега Будницкого здесь [<https://www.currenttime.tv/a/nazi-crimes-peobed-again/30655103.html>].

³⁴ <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/zachem-segodnya-o-genocide-v-sssr/>

³⁵ См. высказывание юриста Александра Евсеева здесь [<https://www.currenttime.tv/a/nazi-crimes-peobed-again/30655103.html>].

сказывания эксперта Российского военно-исторического общества, который сообщает публике, что «Гитлер планировал славянский Холокост»³⁶.

Поворот к «жертвенной» составляющей войны в российской исторической политике, зафиксированный исследователями в 2020 году, на самом деле начался раньше. В 2010-х годах вышло несколько популярных исторических работ, целью которых было доказать, что гражданское население СССР во время Второй мировой войны стало жертвой целенаправленного геноцида. По сути, авторы таких работ продолжают линию, намеченную еще советскими пропагандистами, утверждавшими, что больше всех других народов фашисты ненавидели славян. Авторы, разрабатывающие концепцию геноцида славян сегодня, не отрицают Холокост на советских территориях, и даже довольно подробно пишут о нем, но при этом утверждают, что евреи уничтожались на тех же основаниях, что и славяне [Дюков 2011; Яковлев 2017]. В аннотации к одной такой книге сказано: «они [нацисты] не собирались разбираться в “подвидах” населявших СССР “недочеловеков”: русский и еврей, белорус и украинец равно были обречены на уничтожение» [Дюков 2011: 4]. Автор другой пишет, что немцы на оккупированных советских территориях «убивали всех, кто попадался на пути» [Яковлев 2017: 296]. Не отрицая Холокост и не преуменьшая число его жертв, эти историки ясно дают понять читателю, что нацистский план уничтожения славян был гораздо более масштабным по своему замыслу, чем «окончательное решение еврейского вопроса». В частности, они приводят высказывания Гиммлера, который будто бы сообщал своим приближенным о планах уничтожить «30 миллионов славян», и Гитлера, который говорил о намерении тотального уничтожения советских граждан³⁷. Александр Дюков утверждает, что хотя ненависть Гитлера к евреям была «патологической», Советский Союз фюрер ненавидел больше [Дюков 2011: 170].

Стремление России утвердиться в статусе жертвы геноцида роднит ее с другими постсоциалистическими странами. За исключением ГДР, эти страны строят свою идентичность преимущественно на роли жертвы [Ассман 2016: 158]. Между тем притязания на статус жертвы (*competitive victimhood*) прямо связаны с замалчиванием или преуменьшением масштабов Холокоста: поскольку Холокост является предельным воплощением жертвы, другие группы, претендующие на этот статус, неизменно видят в евреях конкурентов [Rozett 2022: 2–3].

³⁶ <https://ria.ru/20200408/1569723713.html>

³⁷ Утверждения о планах Гиммлера уничтожить 30 миллионов славян и об особой ненависти Гитлера к славянам – общее место работ о геноциде советского народа. Между тем эти утверждения не подтверждены документально: первое основано на показаниях Эриха Бах-Зелевского в Нюрнберге, второе – на мемуарах Германа Раушнинга «Разговоры с Гитлером», который, по мнению многих, сильно преувеличивал свою близость к фюреру. Делали ли Гиммлер и Гитлер подобные заявления в реальности, остается неясным. Доказать это невозможно.

Уместно задаться вопросом: почему именно в последнее десятилетие притязания на статус жертвы стали играть такую заметную роль в российской исторической политике? Здесь следует обратить внимание на полемические выпады против неких лиц, которые «сносят памятники нашим воинам-освободителям и хотят приравнять их к нацистским палачам» [Дюков 2011: 4], сопровождающие рассуждения упомянутых выше историков о геноциде славян. Как и советские пропагандисты, современные авторы концепции геноцида славян сражаются с «фальсификаторами истории». Но угрозы, исходящие от современных «фальсификаторов», более серьезные. «Фальсификаторы» советских времен пытались преуменьшить роль СССР во Второй мировой войне. Современные заявляют, что наша страна участвовала во Второй мировой войне не только в роли героя, но и в роли агрессора: обвиняют Красную армию в насилии на оккупированных европейских территориях и в установлении оккупационных режимов, говорят об ответственности СССР за развязывание войны. Таким образом, современные борцы с «фальсификациями истории» должны отвести от СССР обвинения в агрессии. Именно поэтому они доказывают, что СССР на самом деле был жертвой.

Идеологи проекта «Без срока давности» также говорят о необходимости борьбы с «фальсификаторами истории», хотя это словосочетание в их рассуждениях отсутствует. В частности, потенциальных участников проекта призывают «сохранять историю для будущих поколений без ее искажения»³⁸. Ростовский участник «Без срока давности» объясняет актуальность проекта тем, что сейчас «существуют сомнения в целенаправленном уничтожении советского народа, прежде всего, в среде западных историков»³⁹. Некоторые российские историки полагают, что возбуждение уголовных дел о геноциде в рамках проекта стало реакцией российских властей на резолюцию Европарламента об ответственности советского руководства за развязывание Второй мировой войны [Бешкинская, Миллер 2020]⁴⁰. Связь между этой резолюцией и стремлением утвердиться в статусе жертвы геноцида просматривается и в высказываниях самих промоутеров идеи Холокоста славян или русского/советского народа:

Как известно, Европарламент принял резолюцию, которая ставит на одну полку Советский Союз и нацистскую Германию, якобы СССР виновен в агрессивной войне в той же степени, что и Третий рейх. Трибунал в Нюрнберге четко показал, кто развязал Вторую мировую войну, более того, представленные на нем документы говорят о том, что советский народ стал главной жертвой нацистской агрессии. Фактически

³⁸ <https://xn--2020-k4dg3e.xn--p1ai/events/bez-sroka-davnosti/>

³⁹ Монастырская, К. (2022). «Преступлениям нацистов срока давности или реабилитации нет!». Интервью с А. Кудряковым. Сборник информационно-аналитических материалов *Обзор НЦПТИ*, 1(28), 7–9. С. 8

⁴⁰ См. также <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/zachem-segodnya-o-genocide-v-sssr/>

советские граждане так же стали жертвами геноцида, как и еврейский народ⁴¹.

Таким образом, в основе проекта «Без срока давности» и трудов идейно близких ему историков лежит стремление отвести от России обвинения в агрессии, что происходит через утверждение ее в статусе жертвы геноцида. В каком-то смысле такая стратегия естественна, поскольку, как отмечает Алейда Ассман, «в привычной логике национальной идентичности роль преступника и роль жертвы взаимно исключают друг друга» [Ассман 2016: 159].

Попытки России отвести от себя обвинения в агрессии через утверждение статуса жертвы не уникальны. Николай Эпшле называет это явление «оборонительным комплексом жертвы» и рассматривает его на примере польской исторической политики [Эпшле 2020: 244–250]. Там в ответ на обвинения поляков в массовых убийствах евреев в 1941–1945 годы известный польский писатель предложил создать «музей Полокоста»: «Полокост — это не Холокост, но в этом случае речь также идет об угрозе существованию целого народа» [цит. по Эпшле 2020: 251].

После того, как мировое сообщество осудило Беларусь за подавление антиправительственных протестов и преследование диссидентов, белорусский президент Александр Лукашенко инициировал расследование преступлений нацистов во время оккупации и назвал их «холокостом белорусского народа». При этом Лукашенко с нескрываемой завистью высказался по поводу тех символических преимуществ, которые дает статус жертвы Холокоста: «Евреи смогли заставить мир вспомнить [Холокост], и весь мир преклоняется перед ними, боясь сказать им хоть одно неверное слово. Со своей стороны, мы, будучи терпимыми и добрыми, не хотели никого обижать и довели дело до того, что обидели нас»⁴². Белорусский президент прекрасно чувствует конъюнктуру современной исторической памяти, в центре которой находятся жертвы [Ассман 2016: 154–158], а такие понятия, как «Холокост» и «геноцид», являются «знаками повышенной политэкономической ценности» [Калинин 2021: 358]. За его рассуждениями виден простой расчет: статус жертвы Холокоста дает символический капитал, способный защитить от разных обвинений, и если мы докажем, что имеем на него право, то получим своего рода моральную неприкосновенность.

Имея в виду вышесказанное, мы можем предположить, что в ответ на каждое последующее обвинение в агрессии Россия будет утверждаться в статусе жертвы, что, в свою очередь, будет тормозить публичное принятие «классической» концепции Холокоста как абсолютно уникального события.

⁴¹ <https://ria.ru/20201120/myagkov-1585340627.html>

⁴² <https://www.jpost.com/diaspora/belarusian-president-whole-world-bows-to-jews-due-to-holocaust-673009>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ростовская история показывает: мемориал, который на протяжении десятилетий напоминал о войне и/или мирных советских гражданах, не может вдруг «заговорить» о жертвах Холокоста.

Советский нарратив до сих пор влияет на представления граждан о событиях военного времени. Некоторые ростовчане сегодня пишут и говорят о Змиёвской балке, используя устойчивые клише советского языка памяти о войне. Это влияние подпитывается современной политикой памяти, для которой идея исключительности советской, русской или славянской жертвы значима не меньше, а даже больше, чем она была значима для СССР. Ради обоснования статуса главной жертвы Второй мировой войны государство готово тратить немалые ресурсы — особенно в ситуации, когда этому статусу что-то угрожает (как правило, обвинения в агрессии). Однако месседж «мы — жертвы геноцида» обращен не только к внешней, но и к внутренней аудитории. Благодаря просветительской деятельности проекта «Без срока давности», научно-популярным книгам и передачам о геноциде русского народа некоторые россияне продолжают считать, что у нацистов не было никакой особой политики по отношению к евреям; применительно к Ростову — что нацисты свозили на Змиёвскую балку всех подряд, «не заглядывая в паспорт».

Нарратив о Холокосте представляет потенциальную угрозу для любой группы, претендующей на статус главной жертвы нацизма. Поэтому западноевропейская концепция Холокоста как события, уникального не только для истории Второй мировой войны, но и для мировой истории, с трудом вписывается в современный российский нарратив о войне. В советское время угроза, исходящая от нарратива о Холокосте, отражалась с помощью замалчивания национальности жертв и утверждений, что славяне пострадали не меньше или даже больше евреев. В современной Беларуси, доказывающей «холокост белорусского народа», используются эти же приемы — например, при обнаружении новых мест массового уничтожения евреев национальность жертв просто не указывается⁴³. Авторы современных российских текстов о геноциде советского/русского народа не замалчивают Холокост на оккупированных территориях и даже умудряются непротиворечиво вписать его в свою концепцию с помощью полуфольклорных историй об особой ненависти Гитлера к славянам или о намерении нацистов уничтожить 30 миллионов славян.

На уровне мемориализации такое сочетание советской концепции войны с западноевропейской концепцией Холокоста оказыва-

⁴³ См., например, отчет белорусской прокуратуры о расследовании массовых расстрелов в урочище Бронная гора в рамках уголовного дела о геноциде населения Беларуси. Хотя расстреливали на Бронной горе главным образом узников гетто, слово «евреи» в отчете отсутствует [https://prokuratura.gov.by/ru/media/novosti/zashchita-sotsialnykh-prav-grazhdan/v-inykh-sferakh/urochishche-bronnaya-gora-v-berezovskom-rayone-prokuratura-brestskoy-oblasti-prodolzhayet-rabotupou/]

ется уже более проблематичным. Попробуем вообразить себе мемориальный объект, который располагался бы рядом с памятником жертвам Холокоста и иллюстрировал бы идею «а славян нацисты ненавидели еще больше». Представляется, что ее не смогли бы выразить даже плиты с (неизвестными на сегодняшний день) именами нееврейских жертв. Возможно, именно поэтому установка любых знаков, маркирующих Змиёвскую балку как место памяти о Холокосте, наталкивается на сопротивление администрации и многих жителей города.

Литература

- Альтман, И. (2021). Память о Холокосте в современной России. *Декодер*, 21.05.2021. Режим доступа: <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii#fuss16>
- Альтшулер, М. (2009). Деятельность евреев по увековечению памяти о Холокосте в Советском Союзе в эпоху Сталина. В *Яд Вашем: Исследования*, 171–192. М.: Мосты культуры.
- Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: НЛЮ.
- Арад, И. (1990). Катастрофа европейского еврейства в советской историографии. В И. Арад. (Авт.). *Холокауст: Катастрофа европейского еврейства. Сборник статей*, 137–163. Иерусалим: Яд Вашем.
- Бешкинская, В., Миллер, А. (2020). 75-летие Победы в российской политике памяти — предварительные итоги. *Россия в глобальной политике*, 5(сент.-окт.). Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/stradaniya-tyl-vojna/#_ftn1
- Винклер, К. (2012). Память о Холокосте в современной России. В *Холокост на территории СССР. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике, том 1*, 131–143. М.: Сэфер, НПЦ «Холокост».
- Дюков, А. (2011). *«Русский должен умереть!» От чего спасла нас Красная Армия*. М.: Эксмо.
- Егоров, А., Боголюбов, К. (Ред.). (1990). *Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК*, 12. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.
- Епифанова, А. (2017). От запрета на память к попыткам мемориализации? Анализ представления темы Холокоста в российских учебниках истории, 1990–2016 гг. В И. Альтман (Ред.). *Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте, вып. 14*, 207–217. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК.
- Калинин, И. (2021). Историческая политика. В А. Завадский, В. Дубина (Ред.). *Все в прошлом. Теория и практика публичной истории*, 355–376. М.: Новое издательство.
- Канторович, Н. (2009). Реакция на процесс Эйхмана в Советском Союзе: Попытка предварительного анализа, 1960–1965 годы. В Д. Романовский, Д. Зильберкланг (Ред.). *Яд Вашем: исследования, вып. 1*, 193–232. Иерусалим: Яд Вашем.
- Копосов, Н. (2011). *Память строгого режима. Историка и политика в России*. М.: НЛЮ.
- Крехалева, Е. (2017). Отражение истории холокоста в учебниках по отечественной истории России, Украины и Беларуси как основа формирования толерантности. В И. Альтман (Ред.). *Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте, вып. 14*, 56–62. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК.
- Кринко, Е., Хлынина, Т. (2020). «Причем здесь мемориал?». 9 мая 2013 г. на Театральной площади в Ростове-на-Дону. В М. Габович (Ред.). *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*, 152–178. СПб.: Нестор-История.
- Локшин, А. (2014). Помнить или забыть? Отношение к Холокосту советского режима и общества. В Т. Тарасова, Е. Носенко-Штейн (Ред.). *Помнить о прошлом ради будущего: еврейская идентичность и коллективная память*, 75–100. М.: ИВ РАН.

- Малинова, О. (2013). Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России. *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*, 1, 114–130.
- Махалов, В. (1974, 9 мая). Истина торжествует наперекор фальсификациям. *Известия*, 1974(4), 3.
- Мицель, М. (2007). Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра. *Голокост і сучасність*, 1(2), 9–30.
- Мовшович, Е. (2011). Ростов-на-Дону. В И. Альтман (Ред.). *Холокост на территории СССР. Энциклопедия*. М.: РОСПЭН, НПЦ «Холокост».
- Полян, П. (2016). *Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте*. М.: АСТ.
- Радченко, Д. (2019). Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника. *Фольклор и антропология города*, 11(1–2), 230–255.
- Столлов, В. (1998). Еврейская история в Российской школе. *Еврейская школа*, 1998(1). Режим доступа: <http://old.ort.spb.ru/nesh/stolov.htm#pr6>
- Чарный, С. (2013). Роль еврейских общин юга в сохранении и мемориализации памяти о Холокосте (на примере Ростова-на-Дону). В К. Феферман, И. Альтман, Л. Терушкин (Ред.). *История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции во время Второй мировой войны. Материалы 7-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия»*. М.: НПЦ «Холокост».
- Чевеля, Я. (Авт.-сост.). (2013). *Змиевская балка: вопреки*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Эппле, Н. (2020). *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: НЛЮ.
- Яковлев, Е. (2017). *Война на уничтожение. Что готовил Третий Рейх для России*. СПб.: Питер.
- Gill, G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gitelman, Z. (1997). Politics and Historiography of the Holocaust in the Soviet Union. In Z. Gitelman (Ed.). *Bitter legacy: confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Khiterer, V. (2017). Memorialization of the Holocaust in Minsk and Kiev. In V. Khiterer, Gruber A. (Eds.). *Holocaust Resistance in Europe and America: New aspects and dilemmas*, 95–131. Cambridge Scholars Publishing.
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots Holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Rozett, R. (2022). Competitive Victimhood and Holocaust Distortion. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 23 Apr. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/23739770.2022.2059740>
- Weiss-Wendt, A. (2021). Holocaust discourse in Putin's Russia as a foreign policy tool. In D. Hoffman (Ed.). *The memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*, 276–298. New-York: Routledge.
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome memory: Holocaust monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem.

References

- Altman, I. (2021). Memory of the Holocaust in contemporary Russia. *Decoder*, 21.05.2021. Retrieved from <https://www.dekoder.org/ru/gnose/pamyat-o-holokoste-v-sovremennoy-rossii#fuss16> (In Russian).
- Assman, A. (2016). *New discontent with memorial culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Altshuller, M. (2009). Jewish activities to perpetuate the memory of the Holocaust in the Soviet Union during the Stalin era. In *Yad Vashem: Studies*, 171–192. Moscow: Mosty kul'tury. (In Russian).
- Arad, I. (1990). The Shoah in Soviet historiography. In I. Arad (Auth.). *The Holocaust: The Catastrophe of European Jewry. Collection of articles*, 137–163. Jerusalem: Yad Vashem. (In Russian).

- Beshkinskaya, V., Miller, A. (2020). The 75th anniversary of the Victory in the Russian memory politics. *Russia in the Global Politics*, 5(Sept.-Oct.) Retrieved from https://globalaffairs.ru/articles/stradaniya-tyl-vojna/#_ftn1 (In Russian).
- Charny, S. (2013). The role of Jewish communities in preserving and memorializing the memory of the Holocaust (on the example of Rostov-on-Don). In K. Feferman, I. Altman, L. Terushkin (Eds.). *History of the Holocaust in the North Caucasus and the fate of the Jewish intelligentsia during World War II. Materials of the 7th International Conference "Lessons of the Holocaust and Contemporary Russia"*. Moscow: NPC "Holokost". (In Russian).
- Chevelya, J. (Auth.-comp.). (2013). *Zmievsкая балка: Despite*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russian).
- Dyukov, A. (2011). *"The Russian must die!" What the Red Army saved us from*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Egorov, A., Bogolyubov, K. (Ed.). (1990). *Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*, 12. Moscow: Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS. (In Russian).
- Epifanova, A. (2017). From a ban on memory to attempts at memorialization? Analysis of the presentation of the Holocaust theme in Russian history textbooks, 1990–2016. In I. Altman (Ed.). *We cannot be silent: Schoolchildren and students about the Holocaust*, vol. 14, 207–217. Moscow: Tsentr i Fond "Holokost". (In Russian).
- Eppl, N. (2020). *An uncomfortable past: the memory of state crimes in Russia and other countries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Gill, G. (2011). *Symbols and legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge.
- Gitelman, Z. (1997). Politics and historiography of the Holocaust in the Soviet Union. In Z. Gitelman (Ed.). *Bitter legacy: Confronting the Holocaust in the USSR*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Kalinin, I. (2021). The historical policy. In A. Zavadskyi, V. Dubina (Eds.). *It's all in the past. The theory and practice of public history*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 355–376. (In Russian).
- Kantorovich, N. (2009). Reaction to the Eichmann Process in the Soviet Union: an attempt of a preliminary Analysis. In D. Romanovsky, D. Zilberklang (Ed.). *Yad Vashem: Studies*, vol. 1, 193–232. Jerusalem: Yad Vashem. (In Russian).
- Khiterer, V. (2017). Memorialization of the Holocaust in Minsk and Kiev. In V. Khiterer, Gruber A. (Eds.). *Holocaust Resistance in Europe and America: New Aspects and Dilemmas*, 95–131. Cambridge Scholars Publishing.
- Koposov, N. (2011). *High-security memory. History and politics in Russia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Krekhaleva, E. (2017). Reflection of the history of the Holocaust in textbooks on the national history of Russia, Ukraine and Belarus as the basis for the formation of tolerance. In I. Altman (Ed.). *We cannot be silent: Schoolchildren and students about the Holocaust*, vol. 14, 207–217. Moscow: Tsentr i Fond "Holokost". (In Russian).
- Krinko, E., Khlynina, T. (2020). "What the memorial got to do with it?" May 9, 2013 at Teatralnaya Square in Rostov-on-Don. In M. Gabovich (Ed.). *Monument and Holiday: Ethnography of the Victory Day*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).
- Lokshin, A. (2014). Remember or forget? The attitude of the Soviet regime and society towards the Holocaust. In T. Tarasova, E. Nosenko-Stein (Ed.). *Remembering the Past for the Future: Jewish Identity and Shared Memory*. Moscow: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Mahalov, V. (1974, 9 maya). Truth triumphs in spite of falsifications. *Izvestiya*, 1974(4), 3. (In Russian).
- Malinova, O. (2013). The problem of a politically "fit" past and the evolution of official symbolic politics in post-Soviet Russia. *Political Conceptology: A Journal of Metadisciplinary Studies*, 1, 114–130. (In Russian).
- Mitsel, M. (2007). The ban on the perpetuation of memory as a way to suppress the Holocaust: the practice of the Communist Party of Ukraine in relation to Babi Yar. *Holocaust and Modernity*, 1(2), 9–30. (In Russian).
- Movshovich, E. (2011). Rostov-on-Don. In I. Altman (Ed.) *Holocaust in the USSR. Encyclopedia*. Moscow: ROSPEN, NPC "Holocaust". (In Russian).

- Polyan, P. (2016). *Killing of history, or Trepanation of memory: battles for the truth about the Gulag, deportations, war and the Holocaust*. Moscow: AST. (In Russian).
- Radchenko, D. (2019). The women a-frying a crocodile: the right to interpret a monument. *Urban Folklore & Anthropology*, II(1–2), 230–255. (In Russian).
- Rebrova, I. (2020). *Re-constructing grassroots holocaust memory: The case of the North Caucasus*. De Gruyter Oldenbourg.
- Rozett, R. (2022). Competitive Victimhood and Holocaust Distortion. *Israel Journal of Foreign Affairs*, 23 Apr. Retrieved from <https://doi.org/10.1080/23739770.2022.2059740>
- Stolov, V. (1998). Jewish history in the Russian school. *Jewish school*, 1. Retrieved from <http://old.ort.spb.ru/nesh/stolov.htm#pr6> (In Russian).
- Weiss-Wendt, A. (2021). Holocaust discourse in Putin's Russia as a foreign policy tool. In D. Hoffman (Ed.). *The memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. Routledge.
- Winkler, C. (2012). Remembrance of the Holocaust in contemporary Russia. In *Holocaust on the territory of the USSR. Materials of the XIX International Annual Conference on Jewish Studies*, vol. 1, 131–143. Moscow: Sefer, NPC "Holocaust". (In Russian).
- Yakovlev, E. (2017). *War of annihilation. What the Third Reich was preparing for Russia*. Saint Petersburg: Piter. (In Russian).
- Zeltser, A. (2019). *Unwelcome Memory: Holocaust Monuments in the Soviet Union*. Jerusalem: Yad Vashem.